

Валерий СЕМЕНОВ

г. Петрозаводск

ОЛОНЕЦКИЙ КЛЮЧ К ПОЭМЕ «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

От автора

Впервые на такую несомненную связь я обратил внимание читателей Карелии в газете «Комсомолец» 31 июля 1986 года в статье «Галицкий Владимир Ярославич: видимо, он был автором «Слова о полку Игореве?» Откликов было немного, но сначала пришло разгневанное письмо украинского писателя С. Г. Пушика. Свою версию о В. Галицком как об авторе «Слова» он напечатал годом раньше в газете «Прикарпатская правда» и теперь настаивал на своём приоритете открытия. Сообщил он и о втором исследователе – киевлянине, докторе филологических наук Л. Е. Махновце, выдвинувшем эту версию в том же 1985 году. В «Энциклопедии «Слова о полку Игореве», изданной в Санкт-Петербурге в 1995 году, член-корреспондент АН СССР

Л. А. Дмитриев в статье «Владимир Ярославич» справедливо признал наши три исследования об авторе «Слова» независимыми. *«Семёнов отождествляет Владимира Ярославича с былинным Дюком Степановичем; предложения Семёнова не подкреплены научно аргументированными данными»,* – вынес своё резюме учёный о моей крохотной статье. Четверть века спустя я решил расширить и утвердить свою заявленную версию. Между поэмой «Слова о полку Игореве» и культурным наследием Карелии существует восьмивековая эпическая связь! И только благодаря этой связи можно увидеть поэта глазами его современников, уверенно утверждать, кто был автором поэмы.

Публикуется в авторской редакции. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения автора.

О возрождении древнерусского «Слова»

После многовекового забвения о существовании древнерусской поэмы «Слово о полку Игореве» напомнил Н.М. Карамзин в журнале французских эмигрантов «Spectateur du Nord», издававшемся в Гамбурге. В среде дворян «золотого века» – аристократов, помещиков, чиновников и офицеров – предпочитали говорить по-французски. Родной русский язык хоть и оставался официальным государственным языком, но существовал в плебейской полуграмотной среде мелкого купечества, дворовой челяди, крестьян и солдат.

На церковнославянском совершались службы в православных храмах. Однако со времен патриарха Никона в России действовал церковный запрет называть детей исконно русскими именами (запрет отменён в XX веке). За несколько столетий до Никона языческие имена князей, упоминаемые в старинных русских рукописях, попали под негласное табу. Так, из тридцати князей – героев «Слова о полку Игореве», лишь один Владимир Глебович назван полным христианским именем и отчеством. Даже Владимир Всеволодович Мономах выглядел наполовину язычником. Остальные крещёные князья по именам, используемым в тексте, оставались нечестивыми, и по этой причине их имена, как и сама поэма, подпадали под запрет для чтения и почитания. В таких условиях существования поэма «Слово о полку Игореве» на протяжении столетий была известна лишь очень узкому, избранному кругу читателей монастырских древлехранилищ, например, писцу Домиду, иерею Софонию, архимандриту Иоилю.

Возрожденные к жизни памятники древней русской культуры способствовали духовному подъёму всех сословий, росту национального самосознания и могущества государства. Поэма, созданная в XII веке, сразу заняла достойное место среди шедевров мировой культуры, оттеснив на второй план немало произведений европейской литературы из модного чтива книголюбов XVIII века. Высочайшая поэтическая проба «Слова» подняла престиж русского языка у франкоязычных русских, сделалась предметом пристального изучения национальными писателями и поэтами, крупными исследователями, среди которых мы находим немало имён передовых людей России.

Идеи возрождения народных традиций в культуре, музыке и литературе, неразрывно связанные с идеями народного просвещения и отмены крепостного права, были продиктованы жизнью

не только под влиянием военных побед или необходимостью экономических реформ. Россия вдруг вынесла из монастырских древлехранилищ на свет Божий своё едва сохранившееся наследие в забытых словах и летописях, житиях и хождениях, на которых воспитывались предки. Это явление самопознания можно сравнить разве что с воскрешением древнерусской литературы, в культовой библиографии которого «Слово о полку Игореве» сопоставимо с книгами крупнейших христианских пророков.

В 2010 году поэме «Слово о полку Игореве» исполнится 825 лет. Сквозь века отчаяния и надежд обращён мощный призыв поэта к своим современникам – русским князьям, к потомкам своих сородичей, отказаться от тщеславных устремлений, объединиться для общего блага и защиты Родины. Ещё совсем недавно, вчитываясь в трагические строки, мы хорошо понимали их смысл. В грозные годы Великой Отечественной войны лучшие поэты Советского Союза посвятили героям «Слова» сотни замечательных стихов и поэм. Золотое «Слово» Руси нельзя забывать и сегодня, или раскаиваться за нас придёт потомкам! Так кто же автор? Обратимся к наследию наших предков в древней русской иконе, в Ипатьевской летописи и былинах Олонцкого края.

Портрет русского княжича или икона Дмитрия Солунского?

Передо мной один из древнейших русских портретов из уникальной коллекции Третьяковской галереи. На небольшом диване сидит молодой воин. Шапка густых стриженных волос охвачена золотой диадемой, усыпанной жемчугом с красным рубином посередине. Из-под откинутой полы плаща видны роскошные стальные доспехи. Настороженный взгляд, короткий меч, вытянутый наполовину из ножен. Юноша-акселерат высок, слегка сутулится, взгляд с прищуром. На ногах странная обувь. До колен намотаны онучи, а на колодках сверкают крупные драгоценные камни. Сверху слева в назидательной позе Святой, судя по надписи – Дмитрий Солунский. Справа, вместо серафима, крылатая дева-муза, вот-вот наденет на голову юноши небольшую корону.

От чего предостерегает юношу яростно жестикулирующий Святой Дмитрий? По какому поводу и какая муза из девяти крылатых покровительниц наук и искусств желает надеть корону на его голову? В какой поход собрался храбрый воин? Какими записями собирается восхитить юноша своих

современников на том, берестяном, листе, лежащем под откинутой полой рыцарского плаща? Изобразить так Святого – святотатство! Изобразить в XII веке куражистого, но уважаемого юного аристократа мог тот художник, кто в совершенстве владел священной кистью иконописания!

Идентификация портрета с героем былины «Дюк Степанович»

Сюжет иконы или портрета – колоритная иллюстрация к одной из подзабытых былин, записанных на берегах Онежского озера. Удивительная по мастерству композиции и сюжета крестьянская новелла о боярском сыне Дюке Степановиче в течение многих веков являлась одной из самых популярных легенд от Белого озера до Белого моря. Чтобы попытаться найти летописные исторические реалии, заложенные в сюжет былины о Дюке Степановиче, выделим наиболее интересное. Родом Дюк из Галича-Волынского, где живёт мать-вдова. Киевский князь относится к нему породственному терпеливо-снисходительно. Галич превосходит Киев в богатстве городского убранства, в одежде княжеской прислуги и горожан, в качестве продуктов питания. Дюк – щёголь и турнирный боец. Его соперник, боярин из Вышгорода Чурила Пленкович, проигрывает княжичу в состязаниях и в щегольстве. Юный воин в дружеских отношениях с великими русскими богатырями. Ему нравится охотиться в заводях дорогими сложными стрелами, но ни одна стрела не попадает в цель. Многочисленное имущество галичанина не могут оценить.

В романских языках дюк – не боярин, а князь, вождь, герцог. Русские князья с XI века заселяли Галич приглашенными на службу или захваченными в плен болгарами, венграми, греками, евреями, половцами, поляками, сербами и чехами, которые старались жить колониями или диаспорой. При столь пестром этническом составе можно ут-

верждать, что на основе латинского или одного из романских языков в обиходе галицкого княжеского двора на втором месте использовался язык межнационального общения и различных служб. Как сленгом им владели почти все приближённые князем мигранты, тогда как русского языка очень многие из них почти не знали. Значит, Дюк – социальный статус галицкого княжича, отца которого звали Степаном. Кого из отпрысков галицких князей могли называть Дюком Степановичем?

Родословная первой галицкой династии берёт начало от старшего сына Ярослава Мудрого – Владимира. Он известен как строитель Новгородского Софийского собора и как предводитель последнего похода русичей на Византию, закончившегося весьма плачевно. Его потомкам удалось создать в 1141 году могучее и процветающее Галицкое княжество. Среди имён князей, правивших в Галиче до его разорения монголами и переноса столицы княжества в город Холм, летопись не упоминает ни одного, которого звали бы Степаном.

Однако Ипатьевская летопись сообщает, что во время войны галицкого князя Владимирки против киевского князя и венгерского короля побеждённый галицкий князь давал клятву выполнить предьявляемые требования, целуя чудотворный крест Святого Стефана. Для жены князя Владимирки, дочери венгерского короля Кальмана I Книжника, это имя было

глубоко символичным. Владимирко клялся, в первую очередь, именем Стефана Великого, Святого равноапостольного крестителя и первого короля Венгрии, национального героя и небесного покровителя мадьярского народа. Во-вторых, клялся именем своего сына Ярослава, названного при крещении, предположительно по настоянию матери, так же Стефаном, в честь своего легендарного предка.

Клятвопреступник неизбежно получал возмездие от небесного покровителя мадьяр и уступал трон собственному сыну. Что произошло на самом деле? Нарушив клятву, Владимирко внезапно

Фрагмент иконы
с Дмитрием Солунским.
Третьяковская галерея

скончался, вернувшись из дворцового храма после вечерней молитвы. Юный Ярослав, как свидетель клятвы и наследник умершего, не по своей воле стал князем. Изначально таким и представлялся смысл данной клятвы крестоцелованием киевскому князю и венгерскому королю, которые позже через киевского воеводу Петра Бориславича призвали галицкого князя к ответу. Теперь мы можем утверждать – былинный Дюк Степанович не кто иной, как сын Осмомысла – князь Владимир Ярославич Галицкий (1150–1198).

В далеких белозерских северных сёлах, в имении Ольги Юрьевны – матери Дюка, былины, привезённые из Галича перед самым монгольским нашествием, воспевали уже ушедшего из жизни князя Владимира под экзотическим именем Дюка Стефановича, а на русский манер – Степановича.

Обратимся ещё к одному из эпизодов в этой же былинке. Встретились в древнем Киеве два франта. Встретились и поспорили, кто кого перещеголяет? Договорились на протяжении трёх лет ежедневно выходить в новых нарядах. Одним из спорщиков был галицкий княжич Дюк Степанович, другим – Чурила Пленкович из Вышгорода. Чурила обожал наряжаться в заморские платья. Дюк удивил одеждой и украшениями, которыми в старину восхищались предки. В один из дней галичанин вышел в онучах. На колодках плетёной полотняной обуви ярко горели яхонты-самоцветы. Понадобились они богатырю для дальних поездок, «чтобы ночью видно было ехать».

*Обувал лапотцы семи шелков:
В носы-то вплетено по золотому
Дорогому гвоздочку шеломчатому,
А в пяты те вплетено
по камешку самоцветному;
Днём идти – как по красному солнышку,
Ночью идти – как по светлому месяцу;
Надевал он шапочку со рогавками,
У шапочки висят камешки самоцветные,
От камешков печет,
как от красного солнышка.*

Изумлённая куражом голь киевская «вся качнулась» за галичанина. Понравился ей Дюк, признали его победителем.

Для такой идентификации Дюка с иконописным портретом мы можем использовать варианты былины, записанные от крестьян Олонецкой губернии: из деревни Новинка – А. Сорокина, из деревни Поромка – И. Сивцева, из деревни Кузнецовая – Латышо-

ва, у сельского портного из деревни Боярщина В.Щеголёнка, у кенозерского крестьянина П. Воинова. Опубликованы былины в XIX веке в сборниках «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым» и в «Онежских былинах» А. Ф. Гильфердинга.

Важно отметить: Дюк – всегда галичанин, молод, заносчив, привлекателен. Он единственный из русских былинных героев с достоинством носит на гордой голове диадему с рубином, шагая через века в походной обуви, сверкающей яхонтами-самоцветами!

Официальная иконография признаёт: по надписи – на данной иконе изображён Дмитрий Солунский, а по содержанию сюжета, предположительно, портрет суздальского князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо. Но монголоидные черты лица всегда озадачивали учёных, так как у Дмитрия и Всеволода родители принадлежали к греческим и славянским антропологическим корням. Всеволод по отцу брат Ольге Юрьевне, но по матери наполовину грек. Русский княжич Владимир Ярославич по унаследованной крови предков от отца и матери являлся отпрыском шведских, английских, польских, венгерских королей, византийских императоров, каганов Хазарии и Половецких ханов. Ольга Юрьевна передала сыну Владимиру аристократическую наследственность: от её отца – князя Юрия Долгорукого и матери, дочери хана Аепы, вместе с чётко выраженной славяно-тюрко-иудейской антропологией. По отцу, наполовину венгру, Владимир Ярославич имел сходство с угро-славянским типом лица.

За девяносто девять лет в Галиче родилось и выросло четыре поколения князей. Однако из-за кровавых междоусобиц за киевский престол, в которых деятельное участие принимали все галицкие князья, появляться в Киеве их сыновьям было небезопасно. Не было в истории другого княжича, кроме Владимира Ярославича, который мог называть Галич родным и до ухода матери в монастырь с уверенностью наследника гордился им перед вышгородским боярином Чурилой и великим киевским князем. Тем более что великими киевскими князьями в это время были Глеб Юрьевич и Всеволод Юрьевич – родные братья его матери, а за ними Святослав Всеволодович – отец Болеславы, рано умершей жены Владимира Галицкого.

Портрет Владимира Галицкого в «Ипатьевской летописи»

Женился Владимир на Болеславе – дочери черниговского князя Святослава Всеволодовича

* диадему. – Прим. С.В.

– в 1167 году. Годом раньше на Волыни, по соседству с Галицким княжеством, состоялись две свадьбы сестёр Игоря Святославича (героя поэмы «Слово о полку Игореве»). Старшая сестра стала женой луцкого князя Ярополка Изяславича, а младшая, Мария – женой дорогобужского князя Владимира Андреевича. На этих свадьбах познакомились и подружились юные княжичи Владимир Ярославич – ему было 16, и Игорь Святославич, которому едва исполнилось 15 лет. Теперь понятно, почему юная Болеслава, дочь главы клана князей Олеговичей, стала женой Владимира, а одиннадцатилетняя Ефросинья, младшая сестра Владимира, едва повзрослев, стала женой князя Игоря!

Отец не выделил Владимиру ни города, ни волости и никогда не доверял ему своей дружины. Галицким войском всегда командовали воеводы, даже если князь находился рядом. Перечисляя имена князей-участников какого-либо похода, Ипатьевская летопись о галичанах, с 1152 по 1198 год, почти всегда упоминает как о галицкой помощи с воеводой во главе. Кстати, когда Ярослав Осмомысл впервые повёл свою дружину в поход, бояре под предлогом опасения за жизнь князя отстранили его от руководства боем. До конца жизни Ярослав не садился на боевого коня. Такое исключительное явление в княжеской среде может указывать на физический недостаток, впервые появившийся у Ярослава Галицкого, а затем переданный им по наследству сыну Владимиру. К таким недугам, прежде всего, следует отнести слабое зрение.

В 1171 году Ярослав отправил дружину с воеводой Константином в помощь своему соседу князю Мстиславу Изяславичу Волынскому вернуть киевский престол, с которого тот был изгнан. Летопись указывает, что воевода был в походе с Владимиром Ярославичем. После пятидневных боев за Киев Константин принес Мстиславу Изяславичу грамоты, якобы подписанные самим Осмомыслом. Грамота предписывала воеводе на шестой день пребывания под Киевом возвращаться в Галич.

Как раз в это время под стенами осаждённого Киева Владимир Ярославич мог встретить сестру князя Игоря Святославича, княгиню Марию, озаченную похоронами мужа. С 28 января по 21 февраля княгиня не могла похоронить мужа, князя Владимира Андреевича, вероломно выдворенного в гробу на санях за стены Дорогобужа! Даже содействие двух известнейших киевских игуменов Поликарпа и Семёна не помогло! Опасаясь мести волынского князя Мстислава Изяславича, некогда враждовавшего с покойным, игумен Поликарп попросил у вышегородского князя Давыда Ростиславича дать им в сопровождение не-

большую охрану: «Некому ни коня довести, ни стяга донести». На что Давыд, смеясь, ответил: «Стяг и честь покидают князя вместе с душой!»

Двадцатипятидневные похороны дорогобужского князя из рода «мономаховичей» потрясли киевлян. На хорах Софийского собора в Киеве поп Ванико, человек владыки, сделал памятную запись: «Здесь была многопечальная Андреева сноха, жена Владимира, сестра Олега, Игоря и Всеволода». Негодуя на своих союзников, превративших похороны покойного врага в мытарства его несчастной вдовы – Владимир Галицкий решил подделать грамоту отца о досрочном возвращении галичан из-под Киева домой. К этому необходимо добавить: его сестра Ефросинья Ярославна и князь Игорь Святославич недавно поженились и ждали первенца. Как мог охарактеризовать Владимира Галицкого этот поступок в глазах современников? Ответ на сакраментальный вопрос следует искать в задумчивом взгляде молодого человека на портрете кисти Петра – Милонегга, созданного в пригороде Киева в разгар упоминаемых событий. Было над чем поволноваться Святому Дмитрию, а муза, символически выражая восхищение поступком смелого правдоискателя, предвещала ему весьма тревожное будущее. Можно предположить и замысел портретиста: Владимир Ярославич в своём благородном поступке сравним с канонизированным защитником Дмитрием Солунским!

Оставшийся без галицкой помощи Мстислав через две недели навсегда покинул Киев. Без сомнения, он устроил скандал своему сваяку – соседу, галицкому князю Ярославу Владимировичу. Тот пытался призвать к ответу сына, но за Владимиром выступила мать. Княгиня Ольга Юрьевна давно ждала подходящего момента для крупного разговора с мужем. Ярослав открыто сожительствовал с дочерью боярина Чаргобыля. Юная Настасья родила ему сына Олега.

В результате скандала Владимир с княгиней-матерью, в сопровождении преданного воеводы Константина Серославича и многих бояр отправился в Польшу к двоюродной сестре, польской королеве. Восемь месяцев продолжалось противостояние отца и сына. Владимир обратился к соседу, князю Святославу Мстиславичу с просьбой отдать ему город Червень. Взамен обещал со временем вернуть отобранный Ярославом Галицким у Святослава Бужск и три города в придачу. Уже были подписаны грамоты и произнесены клятвы, уже Владимир с матерью отправились в Червень, как в пути догнал их гонец из Галича. Встревоженные бояре просили молодого князя не торопиться. «Отца твоего мы арестовали, – сообщал глава заговорщиков боярин Свя-

тополк, – а приятелей его, Чаргову чадь, избии. Врага твоего, Настаську, галичане сожгли на костре, а сына отправили в заточение. Князя Ярослава заставили дать клятву жить с княгиней по закону». Первый диалог между гойей и изгоем закончился поражением Осмомысла и высокой оценкой достоинств его сына со стороны галицких бояр!

Однако вскоре, желая стать князем собственного удела, Владимир вновь был вынужден покинуть Галич вместе с матерью. Беглецы отправились в Луцк к Ярославу Изяславичу. Он обещал Владимиру волю. Осмомысл был готов к любым неожиданностям. Он преследовал сына повсюду, добиваясь его возвращения домой. Осмомысл не стеснялся и не скупился в средствах ради достижения задуманного. Города и села луцкого князя были сожжены наёмным польским войском, которому галицкий князь заплатил 2000 гривен серебра и отдал два города в придачу. Ярослав грозился взять Луцк штурмом, если ему не выдадут беглого сына.

Из Луцка Владимир перебирается в Торческ, к дяде Михалке Юрьевичу. Вскоре к Михалке прибывает гонец от Святослава Всеволодовича с просьбой отправить зятя со сватей к нему в Чернигов. Но вот уже и Михалка вместе с сестрой и племянником оказался окруженным в своём замке. После семидневной осады смоленские князья, союзники Ярослава Галицкого, предъявили ультиматум. Предлагалось обменять захваченного смолянами в Киеве брата Михалки – Всеволода Юрьевича – на Владимира Ярославича и отправить его к отцу.

Второе возвращение сына Ярославу Галицкому стоило больше, чем князь мог собрать податей в своих владениях за год! Не надеясь на понимание своих поступков со стороны русских князей, он прибегнул к помощи поляков. Воспользовавшись вспыхнувшей междоусобицей между суздальскими и смоленскими князьями «мономаховичами» из-за Киева, он, возможно, столько же заплатил и смолянам, чтобы заставить Михалку Торческого вернуть ему сына.

Весть о кончине матери могла быть причиной третьего исхода Владимира от отца. Скончалась она в монастыре в 1182 году. Скорбная весть дошла до сына слишком поздно или даже случайно. Конечно, могли быть и другие причины побега из Галича. Известно, что к тому времени он был второй раз женат, имел двоих сыновей. Избранницей стала жена некоего священника, которую он полюбил и увел от мужа. Ярослав во время очередного скандала с сыном мог напомнить ему участь своей возлюбленной. Мог он и пригрозить расправиться с женой и сыновьями Владимира так же, как расправились галичане с незаконной семьёй Осмомысла.

Поводом к серьёзным обострениям во взаимоотношениях между отцом и сыном в Галиче могло быть предложение Романа Мстиславича, князя Владимира-Волынского, выдать свою дочь Феодору за старшего сына Владимира Василька. Коварный Роман давно вынашивал планы овладения Галичем. Раздоры между отцом и сыном могли однажды оставить княжеский престол без наследника. Изгнанный Владимир мог погибнуть в одном из своих длительных скрытных побегов. Через бояр, благосклонно относящихся к боевитому волынскому князю, Роман прекрасно знал о размолвках галицкого двора и всячески старался им способствовать, доводя ненависть между отцом и сыном до безумства! Неизвестно, какая подоплёка или формальный предлог заставили доверчивого Владимира Ярославича покинуть Галич, но в первую очередь он с семьёй прибыл во Владимир-Волынский к предполагаемому свату Роману Мстиславичу. Вероломный Роман пришел в ужас! Он понял, что теперь Осмомысл превратит Волынь в пепелище, а его в изгоя. Поэтому вместо обещанной свадьбы своей дочери с сыном беглеца он указывает Владимиру на дверь!

Именно тогда появились первые наброски к будущей поэме: «Грозы твои по землям текут, отворяя Киеву ворота». Позже сын-беглец обратится с возвышенным почтением и укором к отцу, налюбовавшись на бледных и дрожащих князей, у которых искал сочувствия и помощи, проскакав по заснеженным просторам Руси более трёх тысяч километров! На маршруте отчаяния в течение нескольких месяцев зарождались пролог и фабула будущей поэмы «Слово о полку Игореве». Сюжет появится в конце маршрута, в Путивле, на забрале крепостных ворот, под воздействием трагических вестей о походе Игоря, князя Новгорода – Северского.

...Пришлось несолоно хлебавши отправиться в Дорогобуж к Ингару. «И тот из страха перед отцом его не принял Владимира, – сожалеет летописец, – оттуда поехал в Туров к Святополку, и тот не пустил его, к Давыду в Смоленск – и Давыд его не пустил». Даже в Суздале у дяди Всеволода Владимир Галицкий не обрел покоя и пришел в Путивль, к зятю своему Игорю Святославичу.

Рейд в западню

Летом 1184 года объединённые Святославом Киевским русские дружины разгромили половцев, уведя в плен 7000 воинов с 417 ханами. Желая закрепить успех, участники похода договорились через год вновь выступить под предводительством Святослава.

В апреле 1185 года союзники начали собирать воинов для предстоящего похода. Вверх по реке Десне, в сторону Карачева, проплыли ладьи киевского князя. В Новгород-Северском великий князь проверил, как собирал войско князь Игорь, а в Трубчевске – как вооружался Святослав Олегович, племянник Игоря.

В марте брат киевского князя Ярослав Черниговский отправил к половцам своего боярина Ольстина Олексича. Когда боярин вернулся домой, Ярослав поручил ему отряд из полутора тысяч всадников ковуев и отправил в помощь Игорю в Путивль. На второй день после Пасхи, 23 апреля, дружина северского князя с союзниками ковуями вышла в степь.

Игорь стремился тайком раньше других пройти рейдом по весенним кочевьям. Но был ли этот рейд тайным для Ярослава Черниговского, отправившего ковуев в помощь Игорю? Знал ли о стремлении Игоря уйти в поход раньше других князей его сюзерен Святослав Киевский? Ведь проплывал он мимо Чернигова в те дни, когда всадники – ковуи выезжали из города в Путивль.

Почему отряд ковуев возглавил Ольстин Олексич, который едва только вернулся от половцев, выполняя какое-то важное задание черниговского князя? Только из-за того, что Ольстин Олексич находился с особой миссией у одного из ханов, Ярослав Черниговский отказался от участия в зимнем походе киевского князя к Хоролу в 1185 году. «Я послал к половцам мужа своего Ольстина Олексича и не могу пойти войной на своего мужа», – оправдывался он перед братом своим Святославом Всеволодовичем. Значит, могли братья Ярослав Черниговский и Святослав Киевский знать о готовящемся походе Игоря в донские степи? Могли они через Ольстина Олексича договориться с половецкими ханами и ковуями устроить Игоревому войску ловушку подальше от русских рубежей, где-нибудь в безводном краю степи? Не был ли Игорь простым неосмотрительным исполнителем заманчивой и рискованной задумки киевского и черниговского князей?

У северского князя расчёт был простой. Он знал, что основные силы половцев стянуты в единое войско и будут надолго отвлечены на борьбу с русскими дружинами. Поход по беззащитным вражеским тылам, как представлялось ему, сулил большую добычу с наименьшими затратами и потерями. В середине похода, 1 мая 1185 года, затмение накрыло непроницаемой мглой войско в тот час, когда уставшие от дневного перехода всадники переправлялись через реку Донец, разделяющую прошлую жизнь от предстоящей гибели.

Если бы Игорь прислушался к ропоту своих мужей,

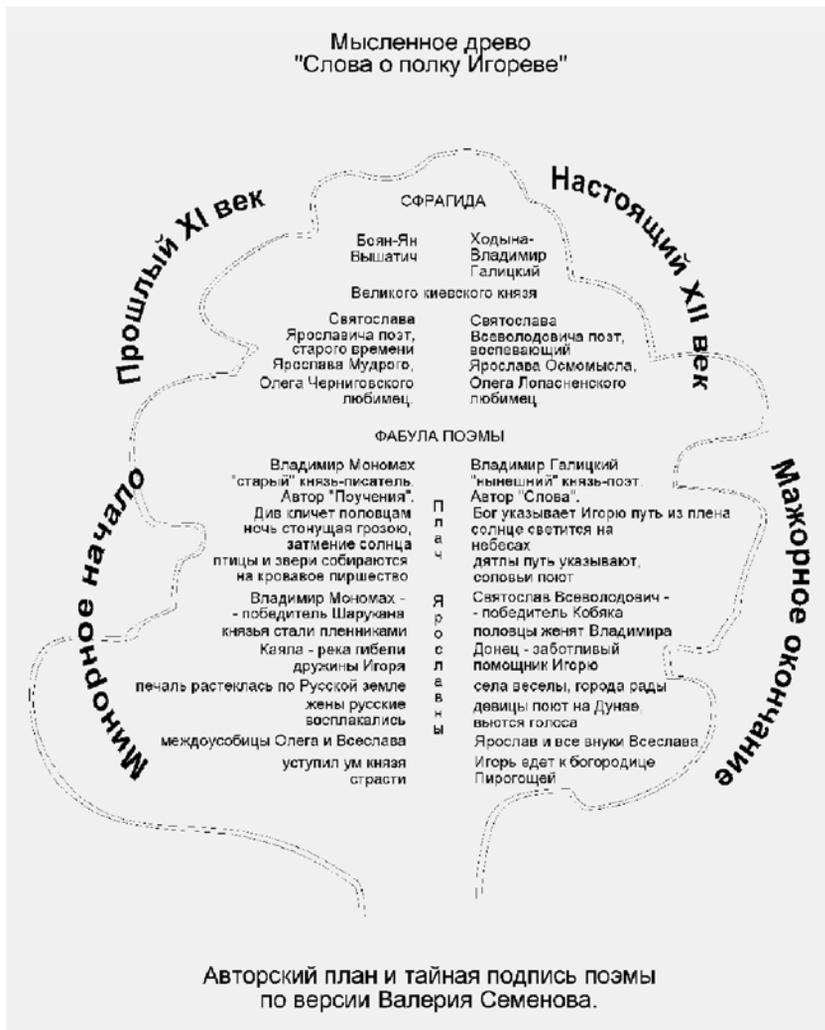
понуривших головы: «Князь наш! Не сулит добра нам это знамение!» Не стал бы князь, разглагольствуя, успокаивать себя и людей: «Братья и дружина! Никто же не знает тайны божественной, а знамению, как и всему миру своему, творец Бог. А что сотворит нам Бог на добро или зло, то нам и предстоит». Не пришлось бы искренне сожалеть о поступке своего друга поэту, воскликнувшему: «Уступил ум князя страсти, а прихоть испить из Дона великого повела его против знамения!»

Присутствие в войске Игоря боярина черниговского князя Ольстина Олексича создаёт определённую интригу. С одной стороны, боярин вёл Игоря в половецкую западню, из которой ковуев выпустят на второй день битвы. А с другой стороны, сами заговорщики, надеясь на скрытность своих планов, могли обвинять Игоря с братией в сепаратизме, а в случае их гибели, нисколько никого не смущаясь, передать опустевшие уделы своим сыновьям. Появившийся в Путивле Владимир Ярославич перечеркнул их планы.

Портрет автора в зеркале поэмы «Слово о полку Игореве»

В мире поэзии едва ли найдётся вторая поэма, столь похожая на блистательную, взвешенную и выверенную речь адвоката, как древнерусская поэма «Слово о полку Игореве». Под переборы струн гуслира очень многих из самых именитых слушателей заставил поволноваться и задуматься. Спрашивая у былинника Бояна, как бы он воспел походы Игоря, нынешний автор незаметно вложил в текст ключ к тайне своего произведения и своего имени. «Как бы ты воспел эти походы, соловей, скача по мысленному древу, летая умом под облаками, переплетая славу прошлого и настоящего времени, рыща по тропе Трояна через поля на горы?»

Дерево с его стволом и кроной, с глубокими корнями – вот подходящая аллегория времени! В его порах хранится мысль, растекаясь между прошлым и настоящим. Ствол как вертикальная ось делит крону дерева на две симметричные части, состоящие из множества ветвей. Слева от ствола – крона Прошлого, а справа – ветви Настоящего. В левой части мысленного дерева располагается минорное начало поэмы. Здесь «солнце ему (Игорю) тенью путь закрывает», а в правой, мажорной стороне кроны, «солнце светится на небесах». В минорном начале «волки грозу предчувствуют, орлы клекотом на кости зверей зовут, лисицы лают на червленые щиты». В мажорных ветвях «вороны не граяли, галки замолкли, сороки

не стрекотали. Дятлы дробью путь к реке указывают, соловьи весёлыми песнями свет возвещают».

Если в минорной части берег реки Каялы – место гибели дружины Игоря, то в мажорной части поэмы возвращающегося из плена князя река Донец лелеет на волнах, стелет ему зелёную траву, укутывает тёплыми туманами, охраняет с воды и с воздуха.

К историческим параболам-притчам можно отнести постоянное сопоставление старых князей с нынешними. «О, стонать Русской земле, вспоминая первые времена и первых князей. Того старого Владимира нельзя было пригвоздить к горам киевским: это ведь ныне стоят стяги Рюриковы, а другие Давыдовы, но врозь у них полотница развешаются и копыта поют!»

Тайную подпись автора – сфрагиду, в которой стоят рядом имена Бояна и Ходыны, мы также

представляем в виде верхушки древа мысли, от ствола которого симметрично расходятся ветви – параболы. На верхних ветвях песнетворцы: в прошлом – Боян, слева от вертикального ствола, в настоящем – справа, Ходына. На великокняжеских ветвях два Святослава: слева – Святослав Ярославич, справа – Святослав Всеволодович. Чуть ниже – ветви их сыновей: двух Олегов Святославичей. Они тётки и по имени, и по отчеству. Любимцем князя тмутараканского и черниговского Олега Святославича Лопасненского был песнетворец Ходына.

*Говорили Боян и Ходына,
Святославовы песнетворцы
старого времени Ярослава,
Олега-князя любимцы...*

Прототип былинника Бояна некоторые ученые видят в личности реально существовавшего киевского воеводы Яна Вышатича. Старец Ян прожил 90 лет и до последних дней водил полки в степные походы. Его отец Вышата служил князю Владимиру Ярославичу Новгородскому. Затем вместе с сыном князя Ростиславом бежал в Тмутаракань. Через три года юного Ростислава отравили, и воевода Вышата вместе с сыном Яном остался служить прибравшему в Тмутаракань Олегу Святославичу. На службе у Олега Ян Вышатич стал княжеским любимцем и, возможно, впервые проявил свой талант сказителя и музыканта. Первые былины он мог перенять от отца или от однополчан. Новгородцы участвовали в последнем походе Руси на Константинополь. Ян мог и сам измерить «тропы Трояна через поля на горы», возвращаясь из плена на родину. Среди восьмисот новгородцев, ослеплённых греками, на каждую сотню измождённых людей был оставлен один зрячий глаз! Тропу через Шипкинский заснеженный перевал на родину новгородец-былинник вспоминал до последних дней жизни.

А кто же Ходына? После появления боярина Бе-

ловолода Просовича с вестью о гибели дружины князя Игоря хроники сообщают – на Руси прогремел тревожный набат. Если вспомнить, что великий киевский князь отправил защищать города на берегах Сейма своего сына Олега, то, вероятно, Ходыну надо искать в окружении Олега Святославича Лопасненского.

В Посемье Олега ожидали три княгини: Ярославна, Глебовна и Ростиславна. Вместе с ним приехал из Киева бывший муж его покойной сестры Болеславы. Это Владимир Галицкий просил тестя Святослава Киевского отправить ему в помощь Олега с дружиной. Судьба привела Владимира с женой и детьми в Путивль как раз накануне похода Игоря в донские степи. Обстоятельства единства времени, единства места и личной заинтересованности в событиях, произошедших в 1184–1186 годах в Путивле и Новгород-Северском, указывают на Владимира Галицкого как на наиболее влиятельного защитника семьи и владений Игоря до его возвращения из плена. Два героических поступка – организация Владимиром обороны покинутых княжеств от половецкого набега и создание гарантий от преждевременных посягательств русских князей-родственников (наследников), как и одиннадцатидневное бегство по степи Игоря из плена, были возможны только при беззаветном стремлении исполнить свой долг перед близкими.

Формула тайной подписи поэмы указывает и на Ходыну, и на Бояна как на «Святославова песнетворца и Олега-князя любимца». Приятеля Олега Святославича Лопасненского мы знаем по летописному сообщению о защите Посемья.

В поэме «Слово о полку Игореве» находим и Святославова песнетворца, например, в «Золотом Слове Святослава» и в строфе «Сон Святослава».

*Этой ночью с вечера
укрывали меня, – сказывал, –
черным покрывалом
на кровати тисовой.
Черпали мне синее вино,
со скорбью смешанное,
сыпали мне из узких колчанов
поганых знахарей
крупный жемчуг на грудь
и нежили меня.*

Свой сон больной Святослав рассказал на утреннем собрании боярской думы, обсуждая печальные новости, принесённые Беловолодом Просовичем. Среди бояр находился и его зять – князь Владимир Галицкий. Почему? Он сопровождал боярина Беловолода в Киев и приехал

просить помощи для защиты Посемья.

В этой же строфе перед нами открывается ещё одна грань таланта и уровня светской образованности автора поэмы. В соответствии с духом и канонами написания средневековых медицинских трактатов в изящной стихотворной форме передаётся диагноз и методика лечения возникшего у Святослава невроза. Перед сном больному насыпают крупный жемчуг на грудь и нежно растирают. Как пишут современные ученые-эскулапы, этим достигается замечательный эффект в электромагнитном биостимулировании противовоспалительного метаболизма при пониженной реакции организма. Хранят жемчуг в очень узких колчанах-футлярах, чтобы не бился и не терял чудодейственного свойства при хранении.

Среди десятков предполагаемых авторов поэмы далеко не каждый умел читать и писать, а знание секретов медицины и стихосложения – свидетельство уникальной, для всей средневековой Европы, широкой образованности поэта!

По причине слабого зрения Владимир Галицкий был обречён на устранение от государственных дел и военных походов. С юности уделом Владимира становятся книгохранилища и общение с эпическими и обрядовыми песнопевцами. Летописцы и былинники, знахари и лицедеи, дружинники и бояре, умнейшие православные иереи Руси и лучшие волхвы являлись учителями и собеседниками опального княжича. Не по этой ли причине в его стихах будут постоянно встречаться выдержки из русских героических былин, «Повести временных лет», «Ветхого и Нового Завета», медицинских трактатов и магических тайнописей, словно поэт имел их под рукой или знал наизусть.

В одной сравнительно небольшой поэме отразились и знание современного автору язычества отдельных польских княжеств, где он побывал; и гомеровский эпос о троянцах, мифические истории об антах, германские предания о крымских готах, хазарский церемониал на языке исчезнувшего к тому времени народа!

Ярослав, хоть и не всегда с честью выходявший из семейных перебранок, пользуясь правом князя, постепенно превратил жену и сына в изгоев. В сущности, хроника наводит на мысль о том, что читатель XII или XXI века мог назвать Владимира Галицкого изгоем, беглецом или бродягой, ходоком. Из этого перечня ничего подходящего для собирательного образа князя не было, но вот брошенное кем-то в спину или в лицо «Ходына» – прилипло сразу!

Поэтому в «Золотом Слове Святослава» обращение киевского князя к отцу автора поэмы «Галицкий Осмомысл Ярослав» построено несколько необыч-

но. По заглавным буквам мы читаем аббревиатуру – ГОЯ, указывающую на поэта ИЗГОЯ. В призыве Святослава к Ярославу Галицкому – помочь своему зятю Игорю, изгнанник поставил свою подпись в поэме. Ходына, в данной истории, – преследуемый Изгой, требующий от расчётливой безучастности великих князей помощи попавшим в беду родственникам и друзьям. Хранитель портрета Владимира Галицкого с диадемой ещё раз мог сравнить его дело и Слово, спасшие жизни тысячам русских воинов, оказавшихся в плену, а их беззащитные семьи от набегов, с подвигами Дмитрия Солунского!

В опере А.П. Бородина Владимир Галицкий – блудливый ханжа, выжидающий час гибели князя Игоря, чтобы самому завладеть Путивлем. Это недоразумение – немыслимое по закону удельного престолонаследия в Киевской Руси! У главы рода Олеговичей – великого киевского князя Святослава, как и у его брата Ярослава Черниговского, были взрослые сыновья – наследники, имевшие все неоспоримые права на территориальные владения попавших в плен князей. Игорь не простил бы Владимиру похотливые песенки и пьяные оргии во время беды. Не доверила бы ни Ярославна, ни её муж такому спившемуся авантюристу-бродяге, каким изображен в либретто Владимир Галицкий, сватовство своего сына Святослава к дочери великого князя Рюрика. Как бы Рюрик Ростиславич, соправитель великого киевского князя, его родственники и приглашенные на свадьбу двадцать князей с жёнами и боярами восприняли такое сватовство? Современники считали галицкого изгнанника героем и оказывали ему великую честь, считая его участие в свадебных торжествах почётным для всей собравшейся княжеской элиты Руси. Всем хотелось услышать его «Слово о полку Игореве».

Совпадение списка княжеских имён из хроники путевых заметок беглеца в Ипатьевской летописи со списком приглашённых на свадьбу – прямое подтверждение причастности Владимира Галицкого к авторству поэмы. Присмотревшись к именам в летописи на «маршруте отчаяния» и в «Золотом Слове Святослава», понимаешь: их перечень также оказался совсем не случайным! Ярославна – сестра Владимиру Галицкому. Князь Игорь – её муж, Владимир Игоревич – её сын. Буй-тур Всеволод – дед-верь галичанину, а Святослав Олегович Трубчевский – племянник. Владимиру Глебович Переяславский и его сестра красавица Глебовна – двоюродные брат и сестра поэту. Это список пострадавших, защищаемых поэтом. Первыми в списке безучастных: Ярослав Осмомысл – отец и Всеволод Суздальский – дядя. Коварный Роман Волынский – сват. Помогли Владимиру «Святославу песнетворцу» – тесть, ве-

ликий киевский князь Святослав Всеволодович и шурин Олег Святославович.

Пока за пределами большого круга ближайших родственников остаются лишь братья Рюрик и Давыд Ростиславичи. Их сестра Агафья, жена князя Олега Святославича, рано умершего старшего брата Игоря. В сентябре 1188 года в Новгород-Северском празднуется свадьба Святослава Игоревича с дочерью Рюрика – Ярославой. Наступил апофеоз радостных перемен, произошедших за три года после поражения. Теперь, называя героев поэмы, автор, по сути дела, обращался ко всем самым близким родственникам! Первоначальная поэма-набат превратилась в эпиталаму – эпическую поэму для пиров и свадебных торжеств! Её окончательный вариант прозвучал на торжествах в честь возвращения пленников – северских князей: Владимира Игоревича с женой, Святослава Олеговича и Буй-тура Всеволода.

Пророк

Ярослав Осмомысл, скончавшийся 1 октября 1187 года, оставил своим наследником побочного сына Олега. Горожане скоро прогнали Олега и признали своим князем Владимира Ярославича. Осенью 1188 года Владимир на правах свата участвует в двух свадьбах подряд – в Белгороде и в Новгород-Северском, последовавших одна за другой. Собралось много князей с жёнами и боярами, чего никогда больше на Руси не бывало.

На первой свадьбе Владимир был сватом у Верхуславы Всеволодовны, дочери суздальского князя, а на второй – у Святослава Игоревича, племянника из Новгород-Северского. Всю осень звенели свадьбы, и лишь в ноябре Владимир ненадолго появился в Суздале, а в конце декабря смог прибыть в Галич. Здесь готовилась свадьба его сына Василька с дочерью Романа Волынского Феодорой. Чередой торжеств, на которых галицкий князь был одной из центральных фигур как сват племяннице и племяннику, и как отец жениха, и как исполнитель своего «Слова», надолго отвлекла его от государственных дел. Боярская дума взроптала. Боярам очень не хотелось раскланиваться перед княгиней, бывшей попадшей и её сыном, обручившимся с дочерью могущественного Романа. Владимиру предложили выбор: или он найдёт жену княжеского рода, или княгиня-попадья взойдёт на костер.

Собрав семью и сокровища, Владимир зимой 1189 года ускакал к венгерскому королю. Тот отобрал сокровища и отправил галицкого князя с семьёй в заточение. На смотровой площадке крепостной

башни королевского замка в Эстергоме был разбит для пленников шатёр. Изрезав шатёр на ремни и верёвки, Владимир спустился с семьёй с башни и убежал в Германию. Германский император Фридрих Барбаросса готовился к крестовому походу. За 2000 гривен серебра он поручил своему вассалу польскому королю Казимиру Справедливому вернуть Галич.

Чтобы вернуть 2000 гривен серебра, отданных Барбароссе, и компенсировать отнятые венгерским королём сокровища, Владимир, притесняя бояр, начал требовать больше обычного, заодно не давая проходу хорошеньким жёнам и дочерям самых строптивых недругов. Поступив так со своими неверными подданными, Владимир надолго угодил в оперу в обличье негодяя.

Через короткое время после смерти Владимира Ярославича, в 1199 году в Галиче сел на княжение Роман Мстиславич. Любил он поговаривать: «Нельзя спокойно есть пчелиный мёд, пока не передавишь весь рой». Медоносными пчёлами стали для него галицкие бояре. «Одних он живыми зарывал в землю, – сообщает польский историк Кадлубек, – других четвертовал, с одних сдирал кожу, других расстреливал стрелами, а некоторым, прежде чем убить, выпускал внутренности». Этих записей не было в Галицко-Волынской летописи, которая очернила Владимира Галицкого после его смерти. Но зато в Галицко-Волынской летописи не было недостатка в восхвалениях Романа Мстиславича. Похоже, не изменяя принципу своей любимой пословицы: Роман Волынский заставил летописца добыть себе медку даже из памяти о своём предшественнике Владимире Ярославиче. Добрая память галичан о нём тревожила Романа, вот и решил он «подсластить» имя свата.

Объективно судя по летописным хроникам, Владимир Ярославич предстаёт человеком, достой-

ным глубокого уважения. Сумма обстоятельств позволяет чётко представить, кем он был в Путивле в 1185 году. Можно утверждать, что ни у одного из многих десятков предполагаемых авторов «Слова» не было столь убедительных личных мотивов, духовных и интеллектуальных сил, социальных и психологических возможностей, как у Владимира Ярославича, быть автором поэмы. Кто, кроме Владимира Галицкого, посмел бы встать со своим вещим и хлётким, как пророчество, «Словом» перед киевским князем и его союзниками? Превратив жуткое побоище Игоревы войска в победу побеждённых, заставить князей собирать выкуп за пленников на экстренно организованных свадьбах своих детей-малолеток? Повлиять «Словом» на события так кардинально мог только Пророк!

Внук основателя Москвы, русского князя Юрия Долгорукого, внук галицкого князя Владимира Володарьевича, создавшего в двенадцатом веке один из крупнейших культурных центров в Европе и названного в XX веке Львом Толстым «первым русским интеллигентом», внук венгерского короля Кальмана I Книжника, – был и, видимо, навсегда останется непревзойдённым князем русских поэтов!

Низкий поклон и вечная слава многочисленным безымянным хранителям древних былин в нашем северном крае, сотни лет воспевавших куражистого галицкого княжича Владимира Галицкого. В олонецкой былине о Дюке Степановиче сохранился ключ к установлению авторства поэмы. Бог даст, всё-таки признают в нём набожные и безбожные читатели поэта – автора поэмы «Слово о полку Игореве». Как пророк он спасал и спасает вещим «Словом» с XII века по XXI век миллионы и миллионы душ горящих, читающих и думающих на русском языке, оставив на века святой завет – наша сила в единстве, наше спасение в вере!

□

Валерий Борисович СЕМЕНОВ

родился в 1946 году в с. Возжаевка Амурской области.

Окончил исторический факультет Петрозаводского университета.

Автор книг: «Возвращение» (1996), «Графика Слова» (1997),

«Долги дороги – дороги долги» (2009).

Журнал «Север» в 1989 году опубликовал эссе

«По следам Олонецкого списка "Слова о полку Игореве"».

Используя в переработанном варианте содержание своих книг, помещённых в Интернет на сайте электронной библиотеки

Петрозаводского университета,

автор решил продолжить тему о проблеме авторства «Слова».

